

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ В. А. ЖУКОВСКОГО С РУССКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ 1810—1820-х ГОДОВ

Публикация Р. В. Незуговой

В настоящей работе продолжена начатая в предыдущем выпуске «Ежегодника Рукописного отдела»¹ публикация материалов хранящейся в Пушкинском Доме неизданной переписки Жуковского, характеризующей участие поэта в литературной жизни его времени. Участие это было интенсивным, разнообразным по своим формам и весьма плодотворным по результатам. Жуковского связывали постоянные и длительные контакты не только с выдающимися писателями, поэтами и деятелями культуры, но и со множеством второстепенных, незначительных литераторов, бывших, однако, характерными для эпохи участниками различных литературных группировок и лагерей. Взаимоотношения со многими из них представляют собой совершенно неизученные или малоизвестные эпизоды творческой биографии великого русского поэта, помогающие значительно конкретнее и глубже понять и оценить его литературную позицию. Хронологические рамки нашей публикации — время вхождения Жуковского в гущу русской культурной жизни, приходившееся как раз на 1810—1820-е годы.

В основу публикации положены эпистолярные материалы из Онегинского фонда, дополненные письмами Жуковского и его корреспондентов из других фондов Рукописного отдела ИРЛИ. Мы не ставили своей задачей введение в научный оборот материалов и документов, относящихся исключительно к деятельности известных русских литераторов, а стремились наряду с ними представить имена и явления второго, а подчас и третьего ряда, позволяющие более емко и детально воссоздать реальную картину литературной жизни начала XIX в.

Письма даются нами в основном в хронологическом порядке, однако их характер и содержание позволяют сгруппировать публикуемый материал в три небольших раздела: переписка Жуковского с карамзинистами

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981, с. 80—112.

старшего и младшего поколений (И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский и др.), переписка с А. Ф. Воейковым (занимающая центральное место в нашей публикации) и письма к Жуковскому ряда второстепенных литераторов 1820-х годов, среди которых наибольший интерес, с нашей точки зре-



В. А. Жуковский. Рисунок А. А. Воейковой.
Карандаш. 1820-е годы.

ния, представляют письма А. А. Шаховского, в прошлом литературного противника Жуковского.

Открывает публикацию письмо Жуковского к И. И. Дмитриеву, относящееся к концу сентября—началу октября 1810 г. Оно содержит весьма высокую оценку «драгоценных» творений маститого поэта, которого Жуковский неоднократно называл «своим учителем» в поэзии.² Представляя собою благодарственный отклик на присланную в подарок книгу сочинений Дмитриева (см. подробнее в комментариях), письмо Жуковского — след

² Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4-х т. М.; Л., 1960, т. 4, с. 576.

не только постоянных литературных контактов его с Дмитриевым, но и дружеской «приязни», сохранявшейся на всем протяжении жизни поэтов.

Два других письма этой группы характеризуют теснейшие взаимоотношения Жуковского и Батюшкова. Небольшая записка Жуковского к последнему относится к маю 1810 г., когда приехавший из Муратова (орловского имения Е. А. Протасовой) в Москву Жуковский на короткое время замещал своего соредактора по «Вестнику Европы» М. Т. Каченовского, находившегося в этот момент в служебной поездке. Обращение к Батюшкову связано было скорее всего с заказом ему перевода для журнала. Записка передает ту атмосферу дружеской несприязненности, которая царила в среде молодых поэтов, группировавшихся в Москве вокруг Карамзина. С этой точки зрения особенно показательна шутивно-фривольная приписка Вяземского к деловой по своему характеру записке Жуковского.

Следующее из этих писем, более позднее, «петербургское», принадлежит Батюшкову, обратившемуся к Жуковскому в начале апреля 1816 г., накануне его отъезда в Дерпт из Петербурга, где поэт находился в связи с изданием второй части своих «Стихотворений». Письмо содержит несколько небезытересных штрихов для характеристики одного из моментов в истории «Арзамаса», деятельность которого была оживлена приездом весной 1816 г. в Петербург Карамзина и Вяземского. Отражая издательские и литературные начинания арзамасцев, письмо вместе с тем в какой-то мере характеризует душевное состояние Жуковского, переживавшего в это время сердечную драму — разочарования в связи с невозможностью соединения с М. А. Протасовой. Поведение Е. А. Протасовой, сводной сестры Жуковского и матери Маши, настойчиво отвергавшей самую мысль о подобном браке и вместе с тем удерживавшей поэта вблизи семьи, создавало двойственное, неустойчивое и мучительное для Жуковского положение в Дерпте, куда после женитьбы А. Ф. Воейкова на младшей из сестер Протасовых, Александре Андреевне, пересекло семейство в полном составе.

Интимная по своему характеру переписка Жуковского с А. Ф. Воейковым, составляющая центральный раздел нашей публикации, известная в печати лишь в незначительном объеме, воссоздает самые драматические и острые моменты переживаемой поэтом коллизии: его борьбу за право на брак с любимой девушкой, осложненную предательством бывшего друга, поспежившего воспользоваться своим новым положением «главы семейства» для окончательного вытеснения из него Жуковского и полного подчинения своему деспотическому произволу Маши Протасовой. Публикуемые письма в какой-то степени обнажают те интриги, в которые погрузил Воейков всю семью, поработив безвольную и неустойчивую в своих настроениях Е. А. Протасову, отдавшую в его руки судьбы дочерей. Документ потрясающей силы, письмо Жуковского к Воейкову от 19—22 августа 1815 г., написанное накануне отъезда поэта из Дерпта в Петербург (видимо, так и не отосланное адресату), свидетельствует о душевной драме Жуковского, его борьбе не только с А. Ф. Воейковым и Е. А. Протасовой, но и с самим собою, показывает его самоотверженное стремление отказаться от своей любви ради спокойствия Маши и нелегко дававшуюся ему попытку изменить характер своего чувства к ней, стать ей братом и опорой в жизни.

Публикуемые письма Жуковского и Воейкова не являются при этом документами узкобиографического значения: исповедальные по тону, содержащие резкие и откровенные суждения, они проникнуты культом дружбы в том ее понимании, которое было в особенности свойственно «поддевическому» братству, как именовалось в тургеневском кружке «Дружеское литературное общество». Показательно, что к этим далеким юношеским воспоминаниям, находя в них для себя опору, обращается каждый из пишущих: Воейков в своем стремлении оправдать себя (см. первое из публикуемых писем, написанных Воейковым вскоре после инсперированного им же отъезда Жуковского из Муратова в сентябре 1814 г.), Жуковский — чтобы обвинить и обличить Воейкова и вместе с тем пробудить в нем гуманные и справедливые чувства. Далеко не случайно, что письмо Жуковского от 19—22 августа местами текстуально совпадает с апрельскими записями 1815 г. в его «Дерптском дневнике»,³ которому поэт придал форму писем к Маше Протасовой.

Последняя группа писем, относящихся к 1819—1839 гг., отражает богатство и многообразие литературных связей Жуковского. К сожалению, среди этих материалов мало писем самого поэта (по-видимому, не сохранились), но зато широко представлена литературная периферия 1820-х годов, показывающая стабилизацию и упрочение позиций Жуковского в литературном мире этого времени. Короткая полуофициальная переписка Жуковского с В. Олиным, поэтом и переводчиком, отмечена вниманием известного поэта к судьбе своего начинающего собрата по перу, ищущего поддержки у признанного мастера. Письма старших карамзинистов — П. И. Шаликова и Ю. А. Нелединского-Мелецкого — содержат любопытные, хотя и мелкие, биографические подробности, позволяющие уточнить время и обстоятельства знакомства Шаликова с Жуковским (посредником в котором неожиданно оказались не Карамзин или Дмитриев, а В. И. Крестовский), а также разъясняют поводы к созданию некоторых произведений Жуковского и вносят коррективы в их даты («Прощальная песнь, читая воспитанницами Общества благородных девиц» и др.).

1820-е годы характеризуются окончательным затуханием полемики карамзинистов и шишковистов: утихли и отошли в прошлое ожесточенные бои и острые критические споры, преданы забвению старые литературные распри. Возникли, однако, новые центры полемики и образовались новые литературные группировки. В этих новых условиях прежние враги нередко оказывались союзниками или — во всяком случае — более терпимыми по отношению друг к другу. Ярким примером такой неожиданной метаморфозы являются взаимоотношения Жуковского с бывшими «беседчиками» — М. Е. Лобановым и А. А. Шаховским.

В публикацию включены три незначительные по содержанию записки Жуковского к М. Е. Лобанову, свидетельствующие о дружеском характере их отношений в 1823—1826 г. Последняя из записок касается педагогической деятельности Жуковского — наставника наследника, перед отъездом за границу (в мае 1826 г.) передавшего свои «учительские» обязанности именно М. Е. Лобанову.

³ См.: *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Париж, 1926, с. 134—141.

Особый интерес представляют письма Шаховского, в свое время ядовито высмеявшего Жуковского в комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815). Арзамасцы (не исключая и самого Жуковского) ответили целым рядом эпиграмм, пародий, насмешливых стихов. Но уже к 1823 г. отношения прежних антагонистов постепенно стали налаживаться; подробности этого сближения становятся известными из публикуемого нами письма Шаховского к Жуковскому 1829 г. Как и следовало ожидать, почвой подобного сближения стал театр, общепризнанным деятелем и знатоком которого был Шаховской. Думая о постановке «Орлеанской девы» (1823) на петербургской сцене, Жуковский советовался с таким опытным автором и режиссером, как Шаховской. В свою очередь последний, задумав эпическую поэму о 1812 г. «Москва и Париж в 1812 и 1814 гг. Воспоминание в разностопных стихах», не мог не вспомнить о знаменитом русском Тиртее, авторе «Певца во стане русских воинов», «Певца в Кремле» и послания «Императору Александру», бывшем, как и Шаховской, участником Отечественной войны. И здесь недавний советчик и «консультант» Жуковского превращается в его послушного ученика и добивается его одобрения.

Таков общий смысл публикуемых ниже писем Жуковского и его современников.

1

В. А. ЖУКОВСКИЙ — И. И. ДМИТРИЕВУ

«Не ранее 30 сентября—не позднее
3 октября 1810. Муратово.»

Милостивый государь Иван Иванович!

Приношу вашему превосходительству чувствительную благодарность за драгоценный подарок, мною от вас полученный. Читая и перечитывая ваши сочинения, буду питать, усовершенствовать и оживлять в себе чувство всего прекрасного, а вообразив, что автор их расположен ко мне дружески, буду и в самых печальных обстоятельствах жизни почитать себя счастливым! Уверяя ваше превосходительство в неизменнейшем почтении и преданности.

Вашего превосходительства...

ИРЛИ, Онегинский архив, № 27740, л. 2 об.

Черновик ответного письма Жуковского И. И. Дмитриеву, написанный на обороте письма Жуковского к М. Т. Каченовскому, приблизительно датированного не ранее 30 сентября—не позднее 3 октября 1810 г. (обоснование датировки дано в нашей публикации «Из неизданной переписки В. А. Жуковского» в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981, с. 7). Книга, за которую Жуковский благодарит Дмитриева, либо «Басни И. И. Дмитриева. Изд. 3-е» (СПб., 1810; сохранилась в библиотеке поэта, см.: Библиотека Жуковского: (Описание). Томск,

1981, № 2511; в оглавлении книги имеются пометы Жуковского), либо изданные в трех частях «Сочинения Дмитриева» (что значительно вероятнее, так как книга, видимо, имела дарственную надпись и, может быть, именно поэтому не сохранилась). О последнем издании писал Жуковский еще в марте 1810 г. И. И. Дмитриеву, который поручил ему корректуру своих сочинений: «Я теперь вдвое благодарю вас за то, что вы поручили мне быть корректором ваших сочинений <...> Первый том стихотворений ваших совсем отпечатан. Я слова взял его перечитывать и заметил уже ошибок с пять; заставлю читать и своего сожителя Соковина; Платон» Петрович» Бекетов также читает и обещал со мною снестись. Одним словом, мы ведем с большою деятельностью наступательную и оборонительную войну с наборщиками и опечатками» (Русский архив, 1900, кн. III, с. 8). При этом Жуковский не ограничился исправлением опечаток, а в ряде случаев предложил свои стилистические варианты отдельных выражений и слов, принятые Дмитриевым (см.: *Дмитриев И. И. Соч.* 3-е изд. М., 1810, ч. I, с. 45). К каждой из частей был приложен список опечаток, свидетельствующий о тщательности корректорской работы Жуковского. Публикуемое письмо интересно отзывом Жуковского о «бесценных» творениях Дмитриева.

2

В. А. ЖУКОВСКИЙ — К. П. БАТЮШКОВУ

«7 мая 1810. Москва».

Приезжай ко мне часу во втором, я достал пилигриммов¹ — выберем, что нужно. Потом, если хочешь, поедем обедать к Карамзину,² а от него вместе в собрание.³ Пожалуйста, приезжай.

Ж<уковский>.

Майя 1810.

«Прписка П. А. Вяземского»:

Князь Вяземский 7-го числа <---> в гостиной.

ИРЛИ, ф. 19, № 33.

Датируется согласно приписке к комментируемой записке — 7 мая 1810 г.

¹ Возможно, имеется в виду одно из следующих сочинений, отрывки из которых в переводе Батюшкова Жуковский намеревался поместить в «Вестнике Европы»: «Abbé J.-B. Lasansse Les Pèlerins ou Voyage allégorique à Jérusalem» (1807) или «Les Pèlerins am fom Genu de notre Seigneur» (1761).

² Жуковский познакомился с Батюшковым в Москве у Карамзина зимой 1810 г., т. е. незадолго до написания публикуемой записки (подробнее об их знакомстве см.: *Афанасьев В.* «Родного неба милый свет...»: В. А. Жуковский в Туле, Орле и Москве. М., 1980, с. 178).

³ Возможно, речь идет о заседании Общества истории и древностей российских при Московском университете, которое, пережив период упадка, как раз в мае 1810 г. начало постепенно разворачивать свою работу. Интерес Жуковского к работе этого общества мог быть вызван его работой над поэмой «Владимир», в которой поэт обращался к эпохе Киевской Руси, в связи с чем подробно знакомился с русскими летописями и

историческими сочинениями (см. подробнее: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 60—61; см. также: *Канунова Ф. З.* Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского. — В кн.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, с. 400—465).

3

К. Н. БАТЮШКОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

〈Начало апреля 1816. Петербург〉.

Ты едешь, а я по милости князя Вяземского с тобой не увижусь. Скажи мне, куда прислать тебе твои стихи, которые я верно на сих днях получу от Севериной?¹ Что ты будешь делать с сочинениями М. Н.?² Будешь ли их печатать? — Я должен об этом известить *Катерину Федоровну*;³ я удивляюсь, как ты (впрочем, человек весьма рассудительный) уезжаешь, не повидавшись с нею!!! Дай мне по крайней мере ответ. И бог с тобой! — уезжай и будь счастлив, я этого желаю от всей души, потому что люблю тебя, несмотря на твои чудеса.

К. Б.

ИРЛИ, ф. 19, № 18, л. 1.

Письмо написано накануне отъезда Жуковского в Дерпт, где поэт провёл в общей сложности около двух лет (1815—1817) и откуда постоянно ездил в Петербург. Судя по содержанию публикуемого письма, в нем идет речь о поездке Жуковского в Дерпт весной 1816 г., так как в нем упоминается Вяземский, приехавший вместе с Карамзиным в Петербург в феврале 1816 г. для хлопот, связанных с изданием «Истории государства Российского». Они остановились в доме Е. Ф. Муравьевой (пыпе: Фонтапка, дом 25), о которой также упоминает в своем письме Батюшков. II, наконец, в нем идет речь о работе Жуковского над изданием сочинений М. Н. Муравьева, начало которой относится к последним месяцам 1815 г. (подробнее см.: *Жулякова Э. М.* В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев. — В кн.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, с. 71—104). Жуковский выехал в Дерпт к родным в первых числах апреля 1816 г.; таким образом, и публикуемую нами записку Батюшкова можно датировать этим временем.

¹ Северина Елена Скарлатовна — жена Д. П. Северина (арзамасца, впоследствии видного дипломата), сестра известного в литературных кругах религиозного публициста А. С. Стурдзы. Подробнее о ней см.: *Барюшков К. Н.* Соч. / Под ред. Л. Н. Майкова. СПб., 1886, т. III, с. 690—692). В 1818 г. Северина умерла (см.: Русский архив, 1868, № 4—5, с. 590, 596). Стихи Жуковского — возможно, готовящиеся к изданию произведения, вошедшие во вторую часть «Стихотворений Василия Жуковского» (СПб., 1816). 19 февраля 1816 г. Жуковский писал родным в Тульскую губернию: «Кончив издание моих стихов, которого на беду никому постороннему поручить не могу, тотчас отправляюсь в Дерпт» (Русская старина, 1883, № 8—10, с. 144).

² М. Н. — Михаил Никитич Муравьев (1757—1807), сочинения которого широко пропагандировались в литературных кругах, близких Карамзину. Издавшему сочинения писателя в двух томах в 1810 г. (см.: *Муравьев М. И.* Опыты истории, словесности и правоучения. М., 1810, т. I—II). В 1815 г.

сам Батюшков издал в одном томе «Обитателя предместия» и «Эмилиевы письма» Муравьева (СПб., 1815). Из публикуемой записки следует, что именно Батюшков содействовал работе Жуковского над новым изданием сочинений Муравьева (издание вышло в 1819—1820 гг. в Петербурге, в трех томах).

³ Екатерина Федоровна Муравьева (1771—1848) — вдова писателя М. Н. Муравьева, принимала большое участие в Батюшкове, заменив ему рано скончавшуюся мать.

4

В. А. ЖУКОВСКИЙ — К. Н. БАТЮШКОВУ

〈Начало апреля 1816. Петербург〉.

Посылаю тебе назад Тибулла;¹ это на память обо мне. Сочинения М. Н. печатать надобно начать. Я говорил в типографии. Корректуру будут присылать в деревню. Князь Вяземский взял у меня оригинал. От него обо всем узнаешь.

ИРЛИ, ф. 19, № 18, л. 1 об.

Ответная записка Жуковского, написанная в тот же день на обороте письма К. Н. Батюшкова.

¹ Тибулл (ок. 50—I до н. э.) — римский поэт-элегик, которого перевел Батюшков, шуточно называвший себя «маленьким Тибуллом» (*Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1886, т. III, с. 260*). В данном случае речь, возможно, идет о популярном в начале XIX в. издании: *Catullus, Tibullus, Propertius. Ad optimorum librorum fidem accurate editi. Lipsiae. Sumtibus et typis Caroli Tauchnitzii. 1812.*

5

В. А. ЖУКОВСКИЙ — А. Ф. ВОЕЙКОВУ

〈19 июля 1814. Муратово〉.

Для чего все это пишу? Какую может это иметь пользу? Если ты искренно хочешь счастья с Сашею — простого, чистого, единственного, которое с нею возможно, то ты его найдешь. Но если это счастье состоит для тебя в одном только исполнении буйного желания — не страсти, ибо и страсти в тебе к ней не замечаю, — то оно исчезнет в несколько мигов! И для тебя останется одно только бедственное уверение, что ты уничтожил прекрасную жизнь прекраснейшего творения. Ее счастье неразлучно с ее матерью и сестрою. Если будешь желать его *искренно*, то решишься твердо, несмотря ни на что, счастливить их *вместе*. Что ты ни думай о характере Екатерины Афанасьевны, но ты обязан ей таким благом, какого немногие в жизни добиваются; без всякого с твоей стороны права на ее уважение, ты получил от нее все то,

что только годами привязанности приобрести было бы возможно; благодарность должна закрыть глаза на недостатки, а недостатки матери ничто, когда такая дочь и жена, как Саша, помогает их сносить и в этом согласном терпении заключает свое счастье. Вообразив себя на твоём месте — что бы для меня было трудно



В. А. Жуковский. Рисунок неизвестного. Карандаш.
1830-е годы.

иметь своим товарищем Машу? Тебя же называет Екатерина» Афанасьевна своим спасителем и спасителем от меня — надобно удостоиться такого названия. В твоей власти вести прекраснейшую жизнь. Нельзя же почитать тебе себя таким любимцем промысла, чтобы уже и некоторые неприятности в жизни найти слишком тяжкими. Промысел выбрал для тебя жребий прекрасный. Неприятности для тебя *будут*. Но счастье ты иметь *должен*, и оно от тебя зависит. Только помни, что оно между вами нераз-

дельно. Разделись, оно исчезнет, и ты только докажешь, что был его недостойн.

«*Приписка В. А. Жуковского*»:

Воейков вздумал уверять Машу, что я не люблю Екатер(ины) Афанасьевны. Воейков, который обязан ей всем своим счастьем, который накануне свадьбы сказал мне, что ее презирает, который наружными знаками, а не искренним сердечным чувством доказывал ей любовь. Моя привязанность к ней была воспитана со мною. Если я теперь показывал на нее досаду и к ней холодность, то это потому, что был жестоко оскорблен ее ко мне равнодушием и несправедливостию. Если бы я их сильно не чувствовал, то это значило бы, что я к ней никогда привязан не был. Я уверен, что через несколько времени (а может быть, уже и теперь) Воейков, который более нежели кто-нибудь одобрял и поддерживал мою привязанность к Маше, который и прежде и недавно советовал мне ее увезти, сам начнет уверять, что я и злодей и развратник. Как прикажут! Что *нужно* сказать, то и свято.

ИРЛИ, Опегинский архив, № 29399, л. 1—1 об.

Письмо написано вскоре после свадьбы Александры Андреевны Протасовой с А. Ф. Воейковым, состоявшейся 14 июля 1814 г. О сложном характере взаимоотношений Жуковского с приятелем, а затем и родственником см. подробнее: *Соловьев Н. В. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана»*. Пг., 1915, вып. I, с. 35—36; *Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения»*. СПб., 1903, с. 126—170. Накануне свадьбы невеста и ее близкие (М. А. Протасова, В. А. Жуковский) сомневались в способности жениха сделать свою будущую жену счастливой (см.: *Соловьев Н. В. История одной жизни...*, вып. I, с. 42). Эти сомнения в самом характере чувства Воейкова к А. А. Протасовой-Воейковой отражает и публикуемое нами письмо Жуковского к Воейкову. В нем Жуковский в откровенной форме упрекает неделикатного и неискреннего по отношению к нему и Маше Воейкова. Письмо сохранилось в личном архиве Жуковского и, видимо, не было отдано адресату. Об этом же свидетельствует и приписка, содержащая откровенную оценку поведения Воейкова в семье.

6

А. Ф. ВОЕЙКОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

$\frac{18}{4}$ сентября 1814 г. Муратово.

Надобно писать тебе, надобно послать тебе утешение!¹ Где возьмешь ты его, добрый друг? С чего начать? Что сказать тебе? Не знаю, а писать необходимо, необходимее, нежели когда-нибудь. Покамест в твоей комнате все оставалось по-прежнему, по тех пор нам казалось, мы верили, мы хотели уверить себя, что прежний хозяин ея отлучился ненадолго и скоро возвратится на свое родное пепелище, к людям, которые его любят как брата, как друга, как человека, с которым они с малолетства привыкли

вместе резвиться, расти, думать и чувствовать; как спутника, с которым прошли половину жизни, половину пути, и доброго и худого, гладкого и горестного. Несчастный друг! увозя свою библиотеку, ты отнял одно из прелестнейших наших очарований. Нет, бесценный друг муратовский и верный товарищ поддеви-



А. Ф. Воейков. Рисунок неизвестного
(из альбома Ф. А. Кони). Карандаш.

ческого братства! Твоя зеленая комнатка, где мы сладко мечтали о будущем семейственном счастье общем нашем, едином и неразделимом счастье, останется неприкосновенною до нашего возвращения из Дерпта, до твоего возвращения в твое семейство, кроме тебя у ней никого не будет хозяином. Ждать тебя, готовить для тебя комнату к 20-му августа,² уставлять все на свои места; это доставляет мне несколько самых приятных часов. Я всегда вхожу

туда с мыслию: здесь жил друг мой, друг Сашин, друг Машин; здесь просияла заря моего блаженства; его приязнь завлекла меня в Муратово; его обо мне доброму мнению обязан я Сашею. Здесь будет он жить опять — с дружбою, с музами, с спокойствием и блаженством. Истинная любовь как добродетель сама в себе находит вознаграждение за пожертвования, за лишения. И его любовь, больше нежели чья-нибудь, будет уметь вознаграждать его за обладание. Мне бы хотелось, чтобы твоя комната осталась нашим общим кабинетом, рабочею комнатою, куда бы никто не «смел» войти разрушить наши мечты и помешать нам до известного часа. Сколько бы можно делать полезного, славного!

Так, любезный друг и собрат! Ты будешь здесь вместе с нами. Никакая власть на земле не заставит нас думать, что твое удаление из Муратова вечно. Матушка обещала мне воротить тебя, когда я молил ее отдать тебе ее доверенность, я не смел ей сказать любовь; ибо она любит тебя — и любит много. Погляди мне в глаза! Не сердись ли ты? В твоей воле! Нам не привыкать видеть друг друга бешеными<?>. Я обязан говорить тебе правду и не хочу в этом случае походить на некоторых друзей твоих, кои по бесхарактерности и легкомыслию или даже по ложно понимаемой дружбе хотят тушить пожар соломою и плачут от всей души, видя, что пожар увеличивается, а опасность становится более и более, ближе и ближе.

Не выведи, однако, из этого предисловия, что я желал бы вырвать из твоего сердца любовь твою к Маше. Да будет проклята мысль сия в самую минуту рождения! Любовь твоя есть чувство самое чистое, самое светлое, самое возвышенное! Она твое богатство, гений, слава и добродетель. И страдать от нее есть еще наслаждение, во сто раз прелестнейшее равнодушия и этой пошлой связи, какие мы видим ежедневно, которую люди хотят выдать за любовь, но которая вопреки бесчувственности остается <нрзб.> черного, тяжелого. Знаю многих любовников и супругов, верных и страстных, и сам люблю мою Александрину горячо и нежно, люблю более своей жизни; но, право, стыжусь своей холодности, грубости и подлости, когда стану сравнивать тебя с собою. Тебе провидение на роду написало быть во всем выше обыкновенных людей. Тридцатилетнее целомудрие, талант божественный, смирение и покорность судьбе беспримерной — друг мой! Ты один достоин любви Маши единственной; твое сердце одно достойно быть алтарем этого ангела. И мне вырвать это чувство из твоего сердца! Я бы хотел только найти средство согласить любовь твою с совестью матушки, с совестью общих родных наших. Мне бы казалось, что надобно превратить ее в дружбу, самую живую, самую пламенную, подвязать крылья желаньям, усмирить требования и зажать рот ропоту и жалобам. Но полно! Ты станешь подозревать меня в холодном непостоянстве мнений, выдумывать для себя новые муки, потому что подозревать в измене друга, с судьбою кося так тесно связана судьба твоя, — есть

мучение ужаснейшее. Это я замечаю по себе, мне ничего не остается, как вообразить, что мы не верим и не полагаемся один на друга. Тут и радость не в радость; любовь не в наслаждение, как прежде. Тут и в объятиях Александрины возможно быть несчастливым. Несчастье и горести делают тебя несправедливым; послушай языка рассудка, он скажет тебе, что моя дружба не изменилась, мое мнение постоянно; мои желания и молитвы об одном и том же. Но обстоятельства переменились, и оттого наружность говорит против меня; однако я лучше хочу быть на время виноватым перед тобою, нежели перед совестью.

Время объяснить достальное <?>, между тем скажу только одно: как могу я любить тебя меньше, когда час от часу уважаю тебя более и более! На мое уважение, на мое дружество к тебе, на мое дружество, участие, помощь и любовь к Маше можешь ты положиться вернее, нежели на чью-нибудь. Ее счастье, твое счастье, наше счастье — есть одно и то же.

Александр Воейков.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 27966, л. 1—2 об.

¹ «Утешение», в котором нуждался Жуковский, связано с тем, что после свадьбы Воейкова отношения поэта с семьей Протасовых зашли в тупик. Расчетливый и хитрый Воейков очень скоро разобрался в сложной семейной ситуации и принял сторону Е. А. Протасовой, противившейся браку Жуковского и ее дочери — М. А. Протасовой. Публикуемое письмо написано вскоре после вынужденного отъезда Жуковского из семейного гнезда — орловского имения Протасовой Муратова сначала в поместье А. А. Плещеева Чернь, а затем — в Долбино, где приют поэту дала А. П. Киреевская, неизменно помогавшая любящим. Жуковский писал по этому поводу: «Воейков вошел в семью, а я из нее вышел» (Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904, с. 24—25). В своем письме Воейков пытается оправдаться перед Жуковским и тем самым сохранить его дружбу. Ответное письмо Жуковского из Черни датировано 10 сентября 1814 г. (см.: ИРЛИ, Онегинский архив, № 20399, л. 7—11 об.).

² 20 августа — день рождения А. А. Протасовой-Воейковой (1795—1829).

7

В. А. ЖУКОВСКИЙ — А. Ф. ВОЕЙКОВУ

19—22 августа 1815. <Дерпт>.

В журнале ¹ вашем ты написал обо мне между прочим, что я был с тобою милостив и разговорчив и что ты это замечаешь для приятного воспоминания. Почитав это, я решил написать к тебе как можно яснее. Сначала я этого не хотел делать. Теперь нахожу это нужным, первое, чтобы ты знал образ *моих* мыслей, второе, может быть, и для того, чтобы быть для тебя полезным. Хотя <последнего> и очень мало надеюсь,

Я очень понимаю намерение, с каким эти строки написаны обо мне в журнале. Надобно было *представить* меня человеком свое нравным, угрюмым, капризным, который дуетя бог знает за что и своим нелюдимым характером разрушает спокойствие семейное. Признаюсь в своем пороке: я не могу себя никак принуждать и моя наружность всегда отвечает внутреннему расположению. Молчать я мог потому, что так было должно. Но большего усилия над собою сделать я был не в состоянии; моя холодность к тебе происходила от моего образа мыслей на твой счет и от твоих поступков. Чтобы дать понятие об этом образе мыслей, надобно наперед взглянуть на старое.

Прилагаю здесь три письма, мною писанные к тебе в прежнее время, в разные эпохи нашего несчастного *вместе*.² Я перечитал их с чувством ужаса — все сбылось, что думал тогда. Эти письма дадут тебе понятие о тогдашнем образе мыслей моих. Теперь буду говорить только о том, что было с нами после моего последнего возвращения в Муратово, и еще кое о чем упомяну прежнее.

Помнишь ли наш самый первый разговор об Авдотье Николаевне Воейковой?³ Ты сказал мне тогда, что хочешь на ней жениться, что этою женитьбою хочешь спасти ее от ее несчастных обстоятельств, что для общей вашей безопасности желаешь найти место и для того избрал профессорство или в Дерпте или в Казани — вслед за этим я написал письмо к Тургеневу и он начал хлопотать о профессорстве. По глупейшему простодушию я счел, что одно побуждение самой нежной дружбы к Авдотье Николаевне тебя заставляло желать этого супружества. После ты заметил что тебя *ищут* — мысли переменялись. Первая связь забыта. Ты поехал в Петербург, с другими надеждами, но все для своего профессорства, и там уверил Кавелина⁴ и Сиверса⁵ (от которых это я слышал сам), что профессорство и самая женитьба нужны тебе единственно для меня, что мои выгоды этого требуют. Нынче в Петербурге читаю письмо Саши к Кавелину, в котором стоит: «Воейков признался, что связь была разорвана и что и в самом деле так было, потому что он желал места в Дерпте для того только, чтобы быть от нее далеко».⁶ И это написано в каком письме, в том, которое должно было служить вместо *исповеди* перед оскорбленным благородным сердцем Кавелина. Кавелин требовал от тебя раскаяния, а ты, чтобы себя оправдать, *солгал* в ту минуту, в которую всем бы сердцем должен был тронут и обрадован возможностью простым признанием перед *второю твоею совестью* (как ты говоришь сам о Кавелине) обратиться к добру и все мерзкое прошедшее загладить прямым благородным желанием добра. Вот была для тебя минута *перерождения* — вместо того чтобы решиться *быть* прямо добрым, ты с совершенным равнодушием к добру решился только *казаться правым*, и перед кем же? перед честным чистым другом, который подавал тебе руку помощи. В такую святую минуту ты решился быть низким обманщиком и не постыдился заставить ангела жену твою написать то, чего бы не должно была *она* писать. И что же еще? вме-

сто того чтобы иметь какое-нибудь сожаление к той женщине, которая была тобою развращена, ты все сваливаешь на нее. Саша пишет: «Выходя замуж за Воейкова, я ничего не знала о связи его с этою ужасною женщиною, которая ничего не имеет святого и которая завела его удивительным притворством, фальшивою искренностию и романическою страстию. Добрый, умный и простодушный мой Воейков считал себя любимым выше всего и что всем для него жертвовали». — Это пишет чистое перо Саши, пишет от имени своего мужа, который стоит перед своим другом, требующим от него искренности, прямодушия!

Ты так же поступил и со мною! Помнишь ли, когда в Муратове (в то время когда ты еще только начал надеяться войти в семью Е<катерины> Аф<анасьевны>) я сказал тебе о том, что слышал от Мерзлякова⁷ о твоей связи — что ты мне ответил: *Мерзляков клеветник и пьяница!* И я имел несчастье поверить — да для меня казалось естественнее Мерзлякову *ошибиться* и сказать вздор, нежели тебе с таким спокойствием говорить *наедине* тому человеку, которого ты называл другом, *такую бесстыдную* ложь! Все это пишу не для того единственно, чтобы сказать тебе что-нибудь жестокое, — в этом нет ни удовольствия, ни пользы, — мое письмо имеет совсем другую цель. Оно должно оправдать мою к тебе холодность, показать ее причины, а вместе с причинами и то, что тебе для собственного твоего счастья и для спокойствия твоей семьи можно и должно поправить. Поверь, что во все это ничто собственно мое не входит; мы теперь навсегда розно; но, по несчастью, все, что мне дорого, зависит единственно от тебя — если у тебя есть сердце, то мой голос до него дойдет, если ж нет, то я исполнил то, что считал должным.

Помнишь ли наше первое расставание в Муратове?⁸ С начала я был в отчаянии — тогда не было для меня еще ничто известно об Авд. Ник. Воейковой, но я уже начинал *подозревать* истину. И из этого предсказывал себе несчастную судьбу Саши и Маши. Но я подумал, что прошедшее еще можно загладить, и решился поговорить с тобою искренно.

Я помню мой разговор с тобою в моем флигеле — я всем сердцем тебе вверился и, напоминая тебе о нашей молодости, требовал, чтоб ты исполнил то, что было положено между нами *тогда*, то есть быть добрыми товарищами в жизни; помню и то, что писал к тебе после моего отъезда в Чернь;⁹ ответ Саши на это письмо у меня перед глазами. Требование мое не в том состояло, чтобы ты исполнил невозможное, — это было бы безумно! Но в том, чтобы ты был утешителем Маши, — спрашиваю, исполнил ли ты эту просьбу? Не притворяйся передо мною и не думай обмануть меня словами — я видел твое обхождение с нею! В нем нет никакого благородства! Тебе приятнее каждую минуту давать ей чувствовать, что ты всемогущий в доме, что ты владеешь и сердцем ее матери, что твоя воля ей закон, нежели быть ей таким товарищем, как должно! Последнее труднее! для этого надобно иметь чувство, входить с нежностью в грустное состояние души — ты вы-

брал лучше удовольствие притеснять и мучить! В самом деле удовольствие, особливо когда перед тобою молчат! Но чтобы иметь такое удовольствие, надобно иметь особенную черствость в душе! В этом случае, конечно, достойнее сожаления ты, нежели она! Страдания могут кончиться! Никто на свете не сделает ничего вопреки провидению, но причинять страдания и иметь в душе пужную для того способность — вот несчастье совершенное! Посмотреть *издалека* на судьбу твою — как ей ни позавидуешь!

Семья, такой другой не найдешь в свете, все лучшие радости жизни под рукою — что бы тут могло быть? настоящее счастье, взаимная доверенность, взаимное уважение, все! по чтобы пользоваться всем этим, не достает только человека! Ты посреди этого добра слеп и нем душою! И я не говорю об одной Маше — я говорю о *всех вообще*, но для Екатерины и Афанасьевны нет и не может быть такой тяжести — кроме иных минут, ты показываешь ей все *наружности* любви, а я знаю, как она легко может довольствоваться *наружностью*! Кому ей *надобно* верить, она тому верит! Только бери на себя труд *казаться*, и *будешь* всем, чем только желаешь, в глазах ее.

Но, спрашиваю, верно ли такое счастье? Что это за согласие семейное, которое все основано на притворстве? И как бы легко было ему быть *истинным*, когда бы только те, которые составляют семью, решились не *казаться*, а *быть* прямо тем, что должно! Ты хочешь дать им чувствовать, что я холоден с тобою от каприза и своеволия! Нет, я холоден с тобою, или, яснее, я разорвал всю с тобою дружбу, за твое притворство, за твою нечувствительность, за твое грубое с ними всеми и в особенности с Машею обхождение. *Притворство* — вот его доказательства! Не говорю уж о первом твоём обмане! Но, спрашиваю, кто жарче тебя принял мою сторону? Не ты ли обо всем разблагоевстил в Петербурге! Не ты ли втрое сильнее моего держался моего мнения? Я здесь напому только о твоих стихах, которые навсегда останутся документом твоего тогдашнего (*нужного для твоих выгод*) образа мыслей? Потом не я ли своими ушами слышал, как ты все, что сам утверждал некогда с таким жаром, опровергал еще с большею ревностью, называл святотатством, противным религии и нравственности? Что могло побудить тебя к тому и другому? Надобно было выбрать одно: или быть согласным или несогласным со мною и крепко выбранного держаться. А ты мыслил *со мною одинаково* только тогда, когда считал меня *нужным* — хоть, право, не знаю, на что я мог быть тебе нужен! Все, что было тебе надобно, сделалось без меня и пособие мое только все бы для тебя испортило. И ты *перестал* соглашаться со мною, как скоро увидел, что я тебе ни на что *не надобен*. Поверь, что мне никогда бы в голову не пришло обвинять тебя за неудачу, — ибо успех не в твоей воле! но за такую переменчивость по нужде и месту можно ли не обвинять! Притворство в дружбе, или, лучше сказать, вид дружбы (потому что самой дружбы никогда не бывало), и есть уже натуральное всего этого следствие.

В Москве твердишь мне о том, что непременно надобно просить императрицу, а Екатер<ине> Афанась<евне> твердишь противное; то вступишься за меня, то опять скажешь ей, что мне слишком много дают надежды; одним словом, играешь ею и мною.

Здесь в Дерпте напомним только о двух случаях: увидев однажды у Маши мои экстракты, которые она должна была пере-



А. А. Воейкова-Протасова. Рисунок неизвестного.
Карандаш.

писывать, я, не говоря ей ни слова, унес свои тетради, и после об этом сказал тебе же; ты побежал к ним и сделал страшную историю: я прихожу к вам — мне ни слова, большая со мною ласка от тебя и большая *холодность* от Е<катерины> Афанась<евны>. К счастью, приходит Маша и требует от меня *при тебе* назад моих тетрадей — это доказало мне, что уже все *сказано было* Екатер<ине> Афанась<евне>, но сказано (как и многое) *не при мне*. Где же прямодушие? И как жить вместе, когда в *одном углу* друг о друге будут говорить противное тому, что скажем в *другом*! Тебе же всегда говорить легко — тебя спрашивают,

тебе верят; я буду только чувствовать следствие разговоров, а что сказано, того знать не буду.

Другая черта: я обещал Е<катерине> А<фанасьевне> переменить совершенно свое чувство к Маше, обещал искренно — верь этому или не верь, в этом нет большой нужды. Но знаешь ли настоящую причину этого обещания? Я думал получить за него полную доверенность, полное право быть Машиним братом, ибо видел, что ей нужна подпора, и *подпора от тебя*, ибо видел, что ты не только не имеешь к ней надлежащей привязанности, но в случае нужды способен ею пожертвовать! Я надеялся получить эту доверенность, и тогда, имевши в нашей семье одинакие права с тобою, я был бы от тебя не зависим и именно тогда могли бы мы быть с тобою дружны. Да дружны, потому что тогда уже я мог бы любить в тебе Сашина мужа и моего родню и иметь полную свободу в семье и искреннюю дружбу сестры, считал бы обязанностью говорить тебе все прямо и тем беречь общее счастье! На несколько минут вообразил, что такая связь между мною и Е<катериной> А<фанасьевной> возможна, и как гора упала с сердца! Все, что на нем было против тебя, тотчас пропало из памяти. Я помню наш разговор с тобою: ты говорил мне вещи жестокие, но у меня тогда было на душе легко и я принял это за искренность и был тебе благодарен. То, что я тебе написал тогда в альбом, было искренним выражением моих мыслей. Я выдрал эту страничку из твоего альбома, там она не на месте; но здесь она кстати. Вот что было там написано: ¹⁰

*Хороший плод хорошего разговора. «Счастлив тот, кому удастся пройти по земле, не споткнувшись, или кто, споткнувшись, воздержался от падения! Но еще не совсем несчастлив тот, кто, упавши, сохранил силу подняться и спешил ею воспользоваться; кто вовремя может себе сказать: нет ничего лучше исполнения должности; кому осталось если не столько жизни (ибо как польститься на жизнь), то по крайней мере столько надежды на жизнь, чтобы это исполнить на деле. Исполним же это на деле и если можно вместе. Что бы ни сулили страсти, но годами своих наслаждений не дадут они того, что дает одна минута добродетели. Какая бы ни была наша судьба — она зависит от провидения! Но то, что от нас зависит, есть: быть ее достойными, когда она счастлива, и быть лучше ее, когда она несчастна. Все в жизни к великому средство».*¹¹

Эти мысли были точно плод нашего разговора, но они пришли не в первый раз мне в голову. Дело уже было решено. Я уже прежде написал письмо к Е<катерине> А<фанасьевне>, в котором обещал быть ее братом. Я думал, что это было дело возможное, и мне легко было от всего сердца помириться с тобою. Я готов был на товарищество с тобою, и то, что ты мне говорил, очень тяжелое, но отчасти справедливое, хотя было оно сказано с обыкновенною твоею грубостью и все увеличено, тронуло меня, потому что я видел тут что-то искреннее и считал это задатком того, что я сам в свою очередь хотел для тебя делать. Ты говорил мне, что

я обманул Ек^катерину» Аф^ан^ас^ьевну», что мне должно *заслужить* прежде ее доверенность, что некоторые мои поступки были точно *дурны и неприличны*, что я сам у себя отнял право на доверенность. И я со всем этим согласился. — Теперь много бы дал я здесь тебе объяснений на все это, но на что мне! — Это меня поразило тем более, что я был искренно готов всем пожертвовать, и уверяю тебя, что тогда было совершенно забыто, что ты своими дурными поступками заставил меня решиться на такое пожертвование, на которое я и не считал себя способным — одним словом, я видел перед собою новую жизнь, семейный покой, общее согласие, общую взаимную доверенность, прекрасное *вместе*, посвященное добру и счастью! Дурацкое заблуждение! Через несколько дней, читая твои стихи в мой альбом, я изорвал их, но оставил для тебя список. Вот они:

У гениев, как у царей,
Премножество льстецов под именем друзей,
Но я уверен в том по чести,
Что человек с умом
Найдет различие меж другом и льстецом:
Льстец гладит по шерсти, друг гладит против шерсти! ¹²

Это было прочтено с торжеством, в общем собрании. Но такого ли ответа можно было мне ожидать! Эти стихи должны были заставить думать, что все мною сделано по твоему совету, и ты этим вздумал хвастать! Ты подавал мне спасительные советы?! Но когда же? Не тогда ли, когда в Петербурге всех уверял, что Дерпт и женитьба тебе нужны только для меня, не тогда ли, когда вместе со мною просил И^вана^в Влад^ими^ровича^в ¹³ написать письмо к Ек^катерине» Аф^ан^ас^ьевне», над которым после смеялся? Не тогда ли, как вместе с Плещеевым созидал план насчет императрицы и потом в Москве перед отъездом в Дерпт советовал мне этот план исполнить, говоря между тем все противное Ек^катерине» Аф^ан^ас^ьевне»? Наконец, не тогда ли, как мне советовал увезти Машу? и пр. и пр.

Чтобы узнать твое намерение, я спросил у тебя при Ек^катерине» Аф^ан^ас^ьевне»: «Когда же случилось, чтобы ты гладил меня *против шерсти*?!» И я угадал твой ответ прежде. Ты именно указал на *последний наш разговор*! Но кто же и тут заставил тебя говорить, как не я! И не *правда*, сказанная тобою, мне понравилась (она пришла поздно, потому что все было прежде мною самим себе сказано), — но *откровенность*, с какою была она, по видимому, сказана! вот что меня тронуло! Но ты постарался все разрушить! Ты вздумал похвастать своим прямодушием и себя *выставить*!

Ты почувствовал, что мое искреннее пожертвование (которым я хотел получить полное право отца Машина, которое должно было сделать и меня ее подпорюю) давало мне равенство с тобою и полную от тебя независимость, что ты переставал быть для меня *подателем всех благ и надежд*, а для Ек^катерины» Аф^ан^ас^ьевны

евны) *спасителем от всех бед*, и поспешил уверить ее, что и в этом случае она тебе же всем обязана. Нет! На лучшую минуту жизни моей ты не имел того влияния, какое хотел показать им! Если я решился переменить все свои чувства к Маше, то это не по твоему совету, а только потому, что видел, каков ты с нею и как ей [нужен человек], которому бы ее счастье было *свято*! Но ты напрасно беспокоился. Те условия, на коих мне возможно было бы исполнить свое обещание, и без тебя уничтожились! Это было одно заблуждение! Доверенности не дано, и дано не будет! А без нее, на что бы я ни решился, все пустое! Не достанет ни терпения, ни сил! И без тебя я ничего бы не был в состоянии исполнить! Но благодаря твоему пособию, твоей скрытности и притворству все вдвое невозможнее.

Я скоро увидел, что мое обещание брошено на ветер, что оно произвело только на два дня какую-то перемену, а на сердце и не подействовало; что я, все обещавши, буду один только связан моим обещанием; что в положение мое никто не войдет и никто войти не способен; что вы, имея *все свое*, и не воображаете, чтобы кому-нибудь был *в чем* недостаток! Это решило меня уехать, все оставя на волю Божию — против этой воли никто ничего не сделает! Я поехал от вас из Дерпта с твердым намерением возвратиться только *для крестин* и потом уехать навсегда. И это теперь исполняю. Чтобы с вами жить, надобно *сдержат* данное слово, но это совершенная невозможность! Никакая твердость не устоит в этой бездне притворства и принуждения! От меня хотят *ангельских связей, искренней дружбы*, а для этого сами не делают шагу. Ты прежде вместо друга был только сообщником; такую роль весьма легко переменить на роль *шпиона*, так и сделалось; я должен жить по-старому в самом тяжелом отдалении от Маши; видеть твои грубые поступки с нею и молчать! Молчать, потому что говорить нет пользы — ты никогда ни в чем не признавался и имеешь прекрасную способность от всего смело отпереться.

Ты показываешь мне паружную ласку — это легко! *Твое* от меня не зависит; при этом же я с своею холодною должен натурально казаться и капризным, и угрюмым, и несправедливым, потому что на *ласку* отвечаю *суровостью*. Я знаю настоящую цену этой ласки. В их глазах она *все*, она тебя оправдывает. Для вас пужна только паружность. Кто молчит, тот спокоен и счастлив. Кто подпишет свое имя (волею или неволею) на той книге, где ты написал: *мы счастливы совершенно*, тому чего желать остается. Разрывай у Маши сердце и грубостью и нечувствительностью — потом напиши ей в альбом стихи о своей дружбе! все заглажено! А если еще после всего этого раз пять скажешь свое: *Маша!* — то ты же еще и милость сделаешь! Я радовался твоею нежною благодарностию к Екатер<ине> Аф<анасьевне> за то удовольствие, которое она тебе сделала, отправив Машу к Мантейфел<ям>¹⁴ против ее воли! Как ты был счастлив! как торжествовал! как нежно целовал ее руки! Торжество небесное! И такого

рода сцены возобновляются по несколько раз в месяц А мне между тем ласка! Скажи же, с каким чувством подаешь мне руку? Где участие дружбы? Где раздел огорчению? Где прямотушние? Где помощь сносить тяжелую судьбу? Где желание облегчить ее? Пропади же твоя убийственная логика! Ты был способен целовать руки матери за то, что она тебе в угождение огорчила дочь! И кого же, Машу, у которой и без новых огорчений довольно грусти, которая молчит, терпит со спокойствием ангела, и все прощает! Этой черты одной довольно, чтобы истребить всякую к тебе дружбу! И мне у вас оставаться, мне быть свидетелем, как человек, попавший в рай, делает из него ад; мне быть свидетелем страдания тех людей, которым бы все свое отдал, — и от кого же страдания? От того, кто получил от них без всякой заслуги чистейшие блага! Бедный, несчастный человек, в твоей воле наслаждаться этими благами, а ты их топчешь ногами! Ты можешь быть искренним другом Маши, а ты предпочитаешь этому дьявольское удовольствие рвать ее сердце! Ты мог бы приносить этому прекрасному сердцу отраду, ты был *обязан это сделать*, потому что некогда назывался моим другом, и вместо того что делаешь! Нет! Я не должен у вас оставаться! Я все бы обещанное исполнил, но теперь не могу и *не хочу* ничем быть обязан! За этот ад, который вокруг меня, который вы (беспрестанно обманывая друг друга на словах и на бумаге) называете раем, я должен принести на жертву свою привязанность к Маше. Что ж мне останется! Вы все могли поправить — я был готов на все! Но этой минуты уже не возвратить!

Совершенная уверенность, что ничто невозможно, истребила во мне всякое желание чего-нибудь требовать! Мы теперь расстаемся навсегда! Моего у меня никто теперь не отымет и никто на него права иметь не может! Я столько раз был в отчаянии посреди вас, посреди этого спокойствия, с каким вы сноситесь чужое горе; но теперь нахожу, что это отчаяние есть безумство — кто может что-нибудь против провидения! На что вмешиваться в его порядок! Я с совершенным спокойствием поручаю ему судьбу Маши! Моей связи с нею разорвать нельзя — она будет состоять в хорошей жизни, которая вся будет посвящена ей! на здешнюю жизнь иметь влияние вы можете; рвите ее, как хотите, — все будете вы поболее несчастны! Но *дурной жизни* из нее сделать вам не удастся. Екатерина Афанасьевна разрушила такое счастье, какое было бы *приятно* богу, и ничем, кроме мертвых слов, которым никогда не соответствовало чувство, не наградила за то, что отняла. Радуйтесь своим богоугодным делом, и теперь остается разрушить еще и все остальное, то есть пожертвовать Машею! А это может быть благодаря тебе сделается необходимо. Может быть, ты своими поступками доведешь до какого-нибудь отчаянного намерения и мать и дочь! Я готов клясться, что и Екатерина Афанасьевна видит, с каким жестоким бесчувствием ты обращаешься с Машею. Но она во все тебе дает волю: тебе стоит только пачать с твоим низким лицемерством к ней ласкаться — и

она готова у тебя же просить прощения в твоих грубостях. Ты так неблагодарен к ней, как и вообразить трудно, — за все то счастье, которым она тебя осыпала, ты только притворными ласками ей платишь. Я ее не могу никак понять: как могла она радоваться твоим предательством на счет того человека, которого ты другом величал с таким бесстыдством. А теперь? На каждом шагу обнаруживается или обман, или низость. Сурианино¹⁵ продано, и половина его идет на уплату твоих долгов. Сходно ли то с тем, что ты мне рассказывал? Не ты ли уверял, что на тебе не осталось ни копейки долгу? И не стыдно ли тебе пользоваться Машиним добром? Половина этих денег принадлежит ей — свои деньги плати из своего имени, а их имяне должно быть для тебя свято! Но, может быть, у тебя так же *есть* имяне, как и *не было* долгов! Стыдись! Они *могут* тебе жертвовать всем своим, но тебе, если в тебе есть какое-нибудь чувство, не должно принимать такой жертвы! Ты должен быть хранителем, а не разрушителем их спокойствия! Они не понимают, как важно иметь независимость; но ты это должен понимать за них! Ты должен это беречь, как святыню!

Все это говорю тебе для того, чтобы уверился ты, наконец, что я холоден к тебе не из каприза, не от врожденной угрюмости; нет, я разорвал с тобою всякую связь за то, что ты со мною поступил как предатель, за то, что ты лицемер и обманщик, за то, что ты, вместо того чтобы быть счастливым, имея на то все способы, только все делаешь для разрушения счастья, и чьего же счастья: таких людей, которым всем обязан! Опять повторяю, что я здесь никакой своей выгоды не имею — мои с тобою расчеты кончились. Но мне рвет душу видеть, кому досталось все то блаженство, каким я бы легко наслаждался. От них ты не услышишь такой жестокой правды. Екатерина Афанасьевна все находит прекрасным; я уверен, что и ответ к Кавелину, образец лицемерства, кажется ей восхитительным. Посреди их ты и пужным не найдешь себя поправить — и дурное и хорошее равно удастся. Стоит только *казаться*, а ты это искусство имеешь. Говори: я *добр* — тебе будут верить. Тверди о религии — будут считать тебя святым, хотя бы все в поступках твоих противоречило религии. И так от них не жди побуждения быть лучшим. Но я говорю тебе правду и, может быть, еще вовремя; может быть, еще осталось в душе твоей сколько-нибудь привязанности к хорошему — не уничтожай этого остатка! Если теперь не воспользуешься возможностью быть человеком, то ты погиб навсегда и всех с собою погубишь. Все способы быть счастливым в твоих руках, не отталкивай их с слепотою, достойною сожаления. Перестань обманывать самого себя на свой счет и решишь *быть* всем тем, чем ты с таким усилием хочешь только *казаться*.

Ты беспрестанно твердишь о своей *вспыльчивости* — ты себя обманываешь; ты не только вспыльчив, но ты *скрытен* и *притворен*. Но скажи мне, нужно ли тебе притворяться? Если можно, *поверь мне* и брось эту маску! Будь искренен в твоей привязан-

ности к ним — Екатерина Афанасьевна имеет на нее право! Перестань думать, что ты всего достоин, а лучше прекрасною жизнью загладь прошедшее! Это в твоей власти! Тяжело *тому* быть добрым, который должен бороться с судьбою и всего лишен! А ты все лучшее в жизни имеешь! Вообрази, как ужасно быть собственным своим убийцею, а ты умерщвляешь и себя и тех, кто теперь скованы с тобою, умерщвляешь не для одной здешней жизни — скажи мне, с чем придешь к той жизни, которой ты должен верить, хотя из поступков твоих это и не видно! Неужели, пося целый век маску и будучи мучителем добрых, которых судьбы от тебя зависят, ты можешь надеяться на какое-нибудь счастье здесь и там? Все истинные твои выгоды требуют, чтобы ты переменялся и очистил свое сердце! Без этого, как ни обманывай других, ни ты, ни твоя семья не будете иметь счастья! Как вы ни притворяетесь друг перед другом, все в глубине души будет яд! И ты, причина несчастья, будешь всех несчастнее! Ты называешься другом Кавелина, — так он тебе друг и он стоит этого имени. Но тебе еще *надобно* этого сделаться достойным! Теперь на это название ты не имеешь права — я говорю здесь твоей совести! Что тебе выгоды, если другие по твоим словам будут воображать, что ты и он друзья! Сердце будет тебе говорить, что этого нет — а это главное! Чтобы быть другом Кавелина, тебе надобно быть добрым, делать счастье твоей семьи, иметь в этом случае не письменные на полях книг документы или записки в журнале (где нет ни строки справедливой), а свидетельство совести — получи же это свидетельство! Я утверждаю, что тебе еще это можно и что время не пропало. Мне же нельзя быть твоим другом — все мое от тебя зависит, а ты поминутно разрываешь мне сердце. Но не потеряй и того человека, который тебе остался. Он с благородным сердцем тебе подает руку — будь этого достоин. Самая твоя *поззия* требует, чтобы ты не одними рифмами, но и душою своею занимался! Не жди доброго стиха без доброго сердца — будь благороден, прямодушен и чист, тогда и за хорошие стихи ручаюсь! Или решишь, чтобы и стихи твои носили на себе такое проклятие, какое будешь носить всю твою жизнь, если твое сердце останется таким всегда, каково оно теперь.

Ты можешь сердиться за письмо мое, как хочешь; можешь продолжать жить, как живешь; можешь отравлять жизнь всех, кто тебя окружает, — итог под этим все будет *твое несчастье*. Торжествовать ты можешь, но на минуту — провидение есть, и я ему верю с тех пор гораздо более, как видел страдание и бессилие Маши перед тобою! Горе тебе, если ты способен радоваться таким могуществом! Бедный, погибший человек, если ты радуешься возможностью быть мучителем доброго! Ты окружен добрыми! Тебе стоит только решиться быть их товарищем! А ты добровольно гонишь себя из этого круга! Ради бога, одумайся! На это один способ: *искреннее желание быть добрым*. Сбрось все маски! Помни Кавелина! Я бы тебе напомнил и о прошлом времени, в которое был ты товарищем Тургенева и других,¹⁶ из ко-

торых все почти остались на прямой дороге, — не покидай же из доброй воли этих товарищей! Тебе это будет непростительным, потому что ни один из них не имеет такой прекрасной судьбы, как ты. Но что же твоя судьба, когда не будешь уметь ею насладиться.

22 августа.

На это письмо ты можешь отвечать грубостями — этим ты ничего не докажешь! Мне твои грубости не будут оскорбительны — все будешь несчастлив *истинно* ты и твоя семья! докажи опытом, что я несправедлив: то есть *их счастьем*, тогда твое оправдание будет в лучшем месте, *у тебя в душе*. Если слово друг было на языке твоём не пустое слово, то тебе должно быть нужно возратить потерянного друга — на это один способ! Если ж ты к этому равнодушен, продолжай жить по-старому и наживай несчастье.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 29399, л. 2—6 об.

¹ Имеются в виду дневниковые записи, которые семейство Воейковых и Протасовых делало обычно на полях книг или в особых альбомах.

² Цитата из «Эоловой арфы» («Минутная сладость веселого *вместе* Помедли, стой!»), которой поэт обычно пользовался для обозначения своего будущего союза с Машей Протасовой и жизнью в кругу ее семейства. В данном случае Жуковский намекает на тот глубокий внутренний разлад, который внес в эту семью Воейков. Три своих письма к нему, связанные с личной драмой, поэт объединяет в своего рода лирический дневник. В него входят помещенное выше письмо от 19 июля 1814 г., ответное письмо Воейкову из Черни от 10 сентября 1814 г. и данное письмо.

³ Авдотья Николаевна Воейкова — по-видимому, женщина, с которой у Воейкова была внебрачная связь и о которой стало известно семейству Протасовых незадолго до свадьбы Александры Андреевны. Сведения об этой женщине противоречивы: с одной стороны, ее путают с Авдотьей Николаевной Арбеновой, родственницей Жуковского по отцу (дочерью Н. А. Вельяминовой, родной сестры Е. А. Протасовой); с другой стороны, не совсем понятно, почему она носит фамилию Воейкова. Как известно, до женитьбы на А. А. Протасовой Воейков был холост. Вместе с тем Жуковский несколько раз называет эту женщину Воейковой. Надо полагать, она была однофамилицей, а возможно и родственницей А. Ф. Воейкова. Сведения об их совместной жизни в марте—декабре 1813 г. см. в дневниковых записях Воейкова на полях книги «Сочинения Ив. Дмитриева» (ч. 1—3. М., 1803) (см.: ИРЛИ, р. I, оп. 25, ед. хр. 95, л. 140). В публикуемом нами письме ее имя впервые раскрывается полностью (ср.: «Дерптский дневник» В. А. Жуковского. — В кн.: *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Париж, 1926, с. 127; следует исправить неверную отсылку М. Л. Гофмана, будто в дневнике речь идет об А. Н. Арбеновой). Необходимо отметить, что публикуемое письмо имеет множество текстуральных совпадений с «Дерптским дневником» (вплоть до переклички дат: например, одна из дневниковых записей помечена 19—22 апреля, а публикуемое выше письмо к А. Ф. Воейкову — 19—22 августа того же 1814 г.). Обращаясь к нему, Жуковский использовал свои дневниковые записи.

⁴ Кавелин Дмитрий Александрович (1778—1851) — друг Воейкова и Жуковского, участник «Арзамаса», директор Медицинского департамента, впоследствии директор Петербургского педагогического института, в феврале 1819 г. преобразованного в Университет. Подробнее о его взаимоотношениях с Жуковским и Воейковым см.: *Иезуитова Р. В.* Из неизданной переписки В. А. Жуковского. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела на 1979 год. Л., 1981, с. 88—89.

⁵ Возможно, имеется в виду сослуживец А. И. Тургенева по Департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий Егор Петрович Сиверс (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 157), однако не исключено, что речь идет о Егоре Карловиче Сиверсе (1779—1827), одним из основателей ланкастерских военных школ, известном деятеле военных учебных заведений.

⁶ Письмо А. А. Воейковой к Д. А. Кавелину, о котором пишет Жуковский, целиком в печати неизвестно, отрывки из него см. в «Дерптском дневнике» Жуковского (*Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже, с. 134).

⁷ Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, переводчик, критик, профессор Московского университета, в молодости друживший с Жуковским и Воейковым. В доме последнего на Девичьем поле в Москве Мерзляков в самом начале 1800-х годов снимал комнаты (см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915, вып. I, с. 36).

⁸ Воейков уехал из Муратова, куда был приглашен в конце 1813 г. Жуковским, в самом конце января 1814 г. (см.: *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1903, с. 13).

⁹ Жуковский имеет в виду свое письмо к Воейкову от 14 сентября 1814 г.

¹⁰ Свою запись в альбоме Воейкова Жуковский перенес также в «Дерптский дневник» (см.: *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина, с. 135).

¹¹ Цитата из стихотворения «Теон и Эсхин», написанного в Долбине осенью 1814 г. и отражающего стремление Жуковского обрести жизненное равновесие в момент полного крушения его надежд на брак с М. А. Протасовой. Пытаясь найти выход из своего тяжелого душевного кризиса, поэт философски осмысливает цель и назначение человеческого бытия. Он приходит к утверждению законообразности как его светлых, так и темных сторон.

¹² Альбомный экспромт Воейкова см. также в «Дерптском дневнике» Жуковского (*Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина, с. 136).

¹³ Лопухин Иван Владимирович (1756—1816) — деятель культуры и просвещения, масон, близкий Н. И. Новикову и И. П. Тургеневу, участник Дружеского ученого общества, впоследствии сенатор, автор известных «Записок». Лопухин был одним из учителей и наставников юного Жуковского, неизменно сохранявшего глубокий пиетет перед ним. Добиваясь согласия Е. А. Протасовой на свой брак с Машей, Жуковский обращался за содействием к Лопухину, надеясь с его помощью убедить ее в законности этого брака. С этой целью он в феврале 1814 г. ездил к нему и получил его одобрение (подробности этой поездки поэт изложил в письме к А. П. Киреевской, см.: *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия Жуковского. СПб., 1883, с. 57—58).

¹⁴ Мантейфели — дерптские знакомые Воейковых.

¹⁵ Сурианино — маленькое имение Протасовых в Орловской губернии, вблизи Муратова, в котором должны были поселиться Жуковский и Маша Протасова, если бы им удалось добиться согласия Екатерины Афанасьевны на брак.

¹⁶ Жуковский имеет в виду товарищей по Дружескому литературному обществу (1801), в которое входил и Воейков. Общество это собиралось обычно в доме последнего на Девичьем поле.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — М. Е. ЛОБАНОВУ

〈1823—1826. Петербург〉.

8

С сожалением должен отказаться от ваших блинов, любезнейший Михаил Астафьевич. Должен ехать в Смольный монастырь, где пробуду до половины четвертого часа. Попросите Крылова съесть за меня мою порцию и выпить за ваше здоровье.

Вам преданный
Жуковский.

9

Буду непременно к любезному имениннику. Желал бы только знать, в котором часу, в три или четыре? И еще условие: позвольте мне уйти тотчас после обеда, ибо никак нельзя будет остаться, к сожалению.

Вам преданный
Жуковский

10

Я говорил с графом Моденом о ваших условиях, почтеннейший Михаил Астафьевич. Не угодно ли вам будет самому к нему пожаловать — он живет в Аничковом дворце. Или не зайдете ли *завтра* часов в 10-ть поутру ко мне — мы бы пошли вместе. Уведомьте

вам преданного
Жуковского.

ИРЛИ, ф. 93, оп. 4, № 45, л. 1—2; ф. 416, № 10, л. 1—2 об.

Три недатированные записки Жуковского к М. Е. Лобанову (1787—1846), драматургу-переводчику, близкому к «Беседе любителей русского слова», сослуживцу Крылова и Гнедича по Публичной библиотеке, будущему члену Российской академии (1845), на основании их содержания могут быть отнесены к 1823—1826 гг. Основания для такой датировки следующие. Хотя знакомство адресатов относится к началу мая 1815 г. (см. об этом свидетельство Вигеля, подробно описавшего всех присутствующих на встрече с Жуковским, приехавшим 4 мая 1815 г. из Дерпта в Петербург: *Вигель Ф. Ф. Записки*. М., 1892, ч. IV, с. 135), оно не переросло ни в обоюдную симпатию, ни в тесное личное общение. Во всяком случае, сведений о посещении Жуковским Лобанова ни в дневниках, ни в переписке поэта 1815—1822 гг. не имеется. Иначе сложилась литературная ситуация 1823—1826 гг. когда приехавший в 1822 г. из-за границы Жуковский получил повсеместное признание и широкую литературную

известность. Близость Жуковского к придворным кругам, налагавшая на него ряд дополнительных официальных обязанностей (в частности, связанных с участием, начиная с 1823 г., в выпускных экзаменах Екатерининского института благородных девиц, Патриотического института и т. п.), способствовала его общению и с М. Е. Лобановым. Важность внешне мало-значительных по содержанию записочек Жуковского к Лобанову определяется, во-первых, шутливым и дружеским по тону упоминанием о Крылове, дружившем с Лобановым и постоянно бывавшем в его доме, и, во-вторых, содержащимся в последней из публикуемых записок (написанной скорее всего незадолго до второго отъезда Жуковского за границу в мае 1826 г.) указанием и на деловые отношения, связавшие адресатов. В ней идет речь о каких-то «условиях» Лобанова с графом Г. К. Моденом, гофмейстером императрицы Александры Федоровны.

Смысл этих переговоров разъясняется из письма А. А. Воейковой к Жуковскому от 17 ноября 1826 г., в котором сообщается о том, что в отсутствие Жуковского его обязанности учителя русского языка Александры Федоровны выполнял М. Е. Лобанов (см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915, вып. II, с. 17).

11

В. Н. ОЛИН — В. А. ЖУКОВСКОМУ

18 декабря 1819 г. С.-Петербург.

Милостивый государь Василий Андреевич!

Давно желал я иметь честь лично познакомиться с вами: лично, говорю я, милостивый государь, ибо по сочинениям вашим я уже давно знаком с вами. Николай Иванович Гнедич¹ обещал удовлетворить моему желанию; однако по сие время ни ему не удалось исполнить обещания, ни мне воспользоваться обещанным. И так я решился, милостивый государь, письменно просить у вас согласия, позволить мне посетить вас — вас, которого гений был всегда предметом и моего восхищения и — моего отчаяния. Смее надеяться, что вы не откажете исполнить мою просьбу. Препровождаю к вам журнал мой² и прошу вас принять оный благосклонно. Пусть сие письмо будет хоть слабым свидетельством того глубочайшего высокопочитания, с каковым честь имею быть, милостивый государь, ваш всенижайший и всепокорнейший слуга

Валериан Олин.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 28183, л. 1.

¹ Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — поэт, переводчик, критик, пользовался широкой известностью в литературных кругах Петербурга.

² Имеется в виду «Журнал древней и новой словесности» (1818—1819), издаваемый Олиным, который, видимо, надеялся привлечь к участию в нем Жуковского. Начав свою литературную деятельность в кругу «Беседы любителей русского слова» (отсюда, возможно, берет и свое начало знакомство Олина с Н. И. Гнедичем), Олин к началу 1820-х годов постепенно переходит в лагерь романтиков; сочувствием к романтизму отмечена уже литературная платформа издаваемой им газеты «Рецензент» (1821), см.:

Степанов В. П. В. Н. Олин. — В кн.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972, т. I, с. 116—118. (Б-ка поэта. Большая серия). Комплиментарный отзыв о Жуковском свидетельствует о тяготении Олина к течению русского романтизма, возглавляемому Жуковским.

12

В. А. ЖУКОВСКИЙ — В. Н. ОЛИНУ

〈Около 19 декабря 1819. Петербург〉.

Искренно благодарю вас за ваш приятный подарок именно для меня. Я не премину скоро прочесть журнал <?>. Жаль, я не <нрзб.>, чтобы <нрзб.> мне чести вашего отношения, сердечно рад буду его приобрести. Я бы желал на следующей неделе или во вторник или в четверг поутру иметь честь вас видеть у себя: вернее же будет в четверг. В отличном уважении, в моем совершенном почтении. . .

ИРЛИ, Онегинский архив, № 28183, л. 1 об.

Малоразборчивый черновик ответного письма Жуковского В. Н. Олину написан сразу же или вскоре после получения письма последнего (см. письмо № 11). Жуковский благодарит Олина за подаренный ему журнал. Учитывая, что основное содержание публикуемых в нем произведений было связано с античностью, знатком и ценителем которой был Жуковский, можно утверждать, что засвидетельствованное в письме внимание и уважение к начинающему литератору было со стороны Жуковского вполне искренним.

13

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

30 мая 1823 г. Петербург.

Василия Андреевича, которому язык богов есть язык природный, весь Екат<ерининский> институт¹ на коленях просит — к завтраму в ночь стихов десяток² для поднесения высокой основательнице оного, в день 25-тилетнего юбилея, в пятницу — то есть послезавтра — быть имеющего. . . Вы обяжете благодарности весь институт; причем нахожу излишним припоминать об особой благодарности пребывающего с истинным почтением и преданностью

покорнейшего слуги

Юр. Нелединского-Мелецкого.

Коли не будет другой оказии прислать просимые стихи, то просите г. Фридрици,³ чтоб он послал с нарочным.

¹ Екатерининский институт благородных девиц был основан императрицей Марией Федоровной (женой Павла I) в 1798 г.

² Стихи в честь основательницы Екатерининского института — скорее всего «Прощальная песнь, петая воспитанницами общества благородных девиц, при выпуске 1824 г.», в которой есть следующие строки, обращенные к Марии Федоровне:

О, наша милая, родная,
Твою обитель покидая,
Уносим в сердце образ твой!

(Жуковский В. А. Полн. собр. соч. СПб., 1902, т. III, с. 67).

³ Фридеричи Ермолай Карлович (1779—1869) — комендант г. Павловска.

14

А. А. ШАХОВСКОЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва, 30 мая 1829 г.

В течение трех лет, в которые не имел чести с вами видеться, почтеннейший и любезнейший Василий Андреевич, я начинал несколько драматических сочинений, но не мог сделать ничего, кроме бенефисных скороспелок; мысль о неприятностях, предстоящих при представлении моих пьес, отбила у меня охоту к драматургии; но никакие огорчения не могли меня вовсе отводить от метромании и талии. Я ухватился за лиру, не бывши, однако ж, уверен, успею ли в сем, почти новом и, может быть, уже позднем предприятии.

При чтении моего Аристофана¹ вы, кажется, были довольны разностопностию некоторых стихов, и я тогда сообщил вам желание мое — воспользоваться выгодами нашего риторического языка и написать драматическую поэму, в которой разные стопосложения будут уже приноровлены не к карикатурам действующих лиц, а к страстям и к рассказу; вы это одобрили. Причиной — годá в деревне; не видав долго нашего театра, я начал было романтическую трагедию, различными стихами, но, возвратясь в Москву, никак не мог ее продолжить; однако ж не хотел отстать от моего намерения обогатить наше стихотворство изменением стопосложения звуков, которыми пленяло аттические уши. Некоторые нововведения, удачно принятые на сцене, внушили мне смелую настойчивость, и я непременно хотел испытать не вовсе одряхлевшие силы мои в том, что не совсем удалось ослабшей старости безмеренного Державина, и по словесце попытка не пытка, а спрос не беда, я принялся во все искусство <?> за равномерные стихи, и решился спросить вас, удались ли они мне? — Сближение великих событий 1812—1814 годов мне казалось всегда самым высоким предметом поэзии.

Торжество веры, правды, благочестия и явной воли всевышнего в противоположности с безверием, гордыней и силой ума человеческого должны произвести священный ужас, сострадание и убеждение, которые были во все времена высочайшей целью поэтов: с тем я, терзаемый стихобесием, решился вылить из сердца моего, всестопными стихами, воспоминания о взятии Москвы и Парижа.² Я сделал, что мог, и заклинаю вас сказать мне откровенно, то ли я сделал, что можно и должно было? Вы это должны знать лучше всех наших современников и соотечественников. Вам он уже помог воспеть первую часть описанного мною (что, признаюсь, мне не очень приятно), я не мог избежать встречи с вашими идеями и чувствами, увлеченный одним предметом и одним впечатлением.

Я принужден был сделаться несколько отголоском вашим, и прошу вас простить мне невольное мое похищение, которое (как вы сами должны были увидеть), если и будет вредно, то, конечно, не вам; напротив, критика может обвинять меня там, в чем я всегда старался быть правым. Но теперь по необходимости грех моего попутал, а явный грех, как говорит писание, малу вину творит.

Вы некогда, читая перевод ваш, Иоанны д'Арк, требовали от меня, как от искушенного в драматическом деле, искренности, то позвольте мне в свою очередь просить у вас такой же откровенности, и по той же причине, в справедливом суждении о моем лирическом опыте. Яков Григорьевич Брянский³ прочтет вам мои воспоминания, если вам это будет угодно.

Признаюсь в слабости авторского самолюбия; я очень того желаю. Он живее и полнее выразит мысли, чувства и рифмозвучия стихов моих, чем я сам, и вы, может быть, услышите их с большим удовольствием.

Если вы, точно, найдете мое новое сочинение достойным своего предмета, то сделайте милость, присоветуйте, как бы лучше его издать в свет, — разумеется, с сохранением выгод сочинителя, который теперь в тесных обстоятельствах и очень обрадуется, когда мир хотя несколько заплатит ему за долговременные и бескорыстные труды его для театра, где он должен сам платить же, когда видит, как их иногда безобразят, но не хотя паскучить вам панифидой <sic!> моим разноманерным пиесам и полагаясь на доброту души вашей и ваше чистосердечие, беру смелость вверить вам судьбу последнего и потому любезнейшего дитяти

Вашего вечно и душевно преданнейшего слуги
князя Александра Шаховского.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 28326, л. 1—2 об.

¹ Комедия Шаховского «Аристофан, или Всадники» была поставлена на петербургской сцене в ноябре 1825 г. Жуковский, как показывает публикуемое письмо, познакомился с новой комедией Шаховского до ее постановки.

² Речь идет о сочинении Шаховского «Москва и Париж в 1812 и 1814 гг. Воспоминания в разностопных стихах», вышедшем из печати в Петербурге в 1830 г. Подобно Жуковскому Шаховской был не просто свидетелем великой битвы народов и блестящей победы России над наполеоновской Францией, но и непосредственным участником военных действий против армии Наполеона. Эти воспоминания и легли в основу эпической поэмы Шаховского, которую ее автор представил на суд Жуковского, прославленного автора произведений о 1812 и 1814 гг. («Певец во стане русских воинов», послание «Императору Александру»). Книга Шаховского в переплете-папке сохранилась в библиотеке Жуковского (см.: Библиотека В. А. Жуковского: (Описание) / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981, с. 70 (№ 444)).

³ Брянский Яков Григорьевич (1790—1853) — известный русский актер.

15

А. А. ШАХОВСКОЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

7 февраля 1830 г. Москва.

Препровождая к вашему любезнейшему превосходительству экземпляры напечатанных воспоминаний моих,¹ покорнейше прошу, ежели вы найдете приличным, поднести один из них его императорскому высочеству государю великому князю наследнику,² как сочинение, внушенное верноподданному бессмертной славой его великого дяди и отечества.³ Болезнь, удерживая меня дома, препятствует с вами видиться, но надеюсь, что ничего не воспрепятствует вам быть уверенным в душевной преданности вашего превосходительства

Покорнейшего слуги

Князя Александра Шаховского.

Вы увидите некоторые погрешности в печати, как, например, два раза читаем «торжество» вместо «празднество» (и тому подобное), они произошли от торопливости и плохости корректора.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 28326, л. 3.

¹ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

² Речь идет об Александре Николаевиче, будущем императоре Александре II (1818—1881), наставником которого был Жуковский.

³ Речь идет об Александре I, которого в официальных кругах именовали «спасителем отечества» в войне 1812 г.

П. И. ШАЛИКОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

17 июля 1839. Москва.

Милостивый государь, Василий Андреевич!

Примите, ваше превосходительство, радостнейшее поздравления с новою монаршею милостию, столь достойно заслуженною, с интереснейшим в свете путешествием и с благополучным возвращением;¹ ибо как один из наших любезных и незабвенных поэтов сказал другому: «А родина... все нам мила».² Поздравляю! Поздравляю!

Я готов, наконец, поздравить самого себя с счастливою мыслию — прибегнуть к вашему превосходительству с отцовскою просьбою, в полном уповании на давнишнее знакомство с вами, от первых свиданий наших у Василия Ивановича Киреевского³ до последнего посещения, которым вы утешили все мое семейство в теперешнем моем жилище при станках типографских.⁴

Из осми человек детей у меня осталось четверо: два сына, один уже служит адъютантом в Егерском полку, другой еще в кадетском корпусе; дочь совершенных лет,⁵ которую вы искренне приласкали за любовь ее к русской литературе и которая прочитала бы вам *наизусть* какие угодно из ваших стихов, обыкновенно называемых ею музыкальными; ибо она старается любить и музыку, играя довольно хорошо на фортепьяно; а при издании Дамского журнала помогала мне переводами — на язык ваш, а не нынешних литературных неопитов <?> наших. Я истощил все свои средства на ее воспитание. Другая дочь по осмому году; об ней-то я решился, священным для нас именем Карамзина, просить великодушного ходатайства вашего у его императорского высочества, наследника или у ея императорского высочества Марии Николаевны о помещении этой дочери моей, Софьи, в Моск<овский> Екатерининский институт на всемилостивейшее пождивение.

Вы обязали бы вечною благодарностию целое семейство, которое присоединилось бы ко многим с пламенною мольбою о наилучшем из людей.

Может быть, что в Москве я выразил бы слезами отцовские чувствования свои, равно как и глубочайшее почтение и неограниченную преданность, с которыми за счастье поставляю это пребыть на всю жизнь, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим случаю.

К<н>. Петр Шаликов.

ИРЛИ, Онегский архив, № 28323, л. 1—2.

¹ Имеется в виду путешествие по европейским странам, совершенное Жуковским в составе свиты наследника в 1838—1839 гг. Этим путеше-

ствием закончился официальный курс обучения великого князя, и Жуковский сложил свои полномочия как его наставника. 1 июля 1839 г. Жуковскому был пожалован орден св. Владимира II степени (см.: Формулярный список В. А. Жуковского. — Русский архив, 1902, т. 40, кн. 5, с. 87).

² По-видимому, цитата из стихотворения И. И. Дмитриева.

³ Киреевский Василий Иванович (ум. 1812) — образованный тульский помещик, женившийся в 1806 г. на одной из племянниц Жуковского — Авдотье Петровне Юшковой, отец известных деятелей русской культуры И. В. и П. В. Киреевских.

⁴ П. И. Шаликов имеет в виду казенную квартиру, так как он был многолетним бессменным редактором газеты «Московские ведомости» (1813—1836) и издателем «Дамского журнала» (1823—1833).

⁵ Старшая дочь Шаликова — Наталья Петровна Шаликова (1815—1878), впоследствии известная писательница (псевдоним — Е. Нарская), автор ряда повестей и рассказов, печатавшихся в «Современнике», «Беседе», «Русском вестнике» и других журналах второй половины XIX в. Творчество Шаликовой встретило положительную оценку со стороны Некрасова и Добролюбова. Н. П. Шаликова была, по-видимому, знакома и с Пушкиным, подарившим ей одну из глав «Евгения Онегина» (см. об этом: *Черейский Л. А.* Новый автограф Пушкина. — Нева, 1979, № 6, с. 218).